

также, что этнографическим описаниям и характеристикам могло быть отведено значительно больше места, что сделало бы изложение более ярким и выигрышным.

Творческая работа писателей Советской Абхазии продолжается. И. Папаскири работает над переводом нового романа «Путь Химур», С. Цварава заканчивает работу над повестью, посвященной освоению новых земель. И. Тарба пишет новую поэму «Мать» и цикл стихотворений «Мерхеулы», Д. И. Гулна создает стихотворный цикл о колхозниках-абхазах. Можно рассчитывать, что в самом скором времени рядом с уже известными широкой общественности произведениями Г. Д. Гулна и И. Г. Папаскири появятся новые хорошие книги, принадлежащие перу абхазских писателей.

Я. Смирнова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ НАРОДАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Н. Задорнов, *Далекий край*, Л. 1949; Н. Задорнов, *Амур-батюшка*, Л., 1949; Р. Фраерман, *Повести и рассказы*, М., 1949; А. Коптяева, *Иван Иванович*, «Октябрь», 1949, №№ 5, 6, 7, 8; Н. Шундик, *На земле Чукотской*, Хабаровск, 1949; И. Крайт, *Северные рассказы*, Рига, 1949.

Народы Крайнего Севера, возрожденные советской властью, неоднократно привлекали внимание советских писателей. В золотой фонд советской литературы вошли книги «Последний из Удэге» А. Фадеева, «Алитет уходит в горы» лауреата Сталинской премии Т. Семушкина. Яркие моменты из современной жизни нанайцев и нивхов запечатлены в романе «Далеко от Москвы» лауреата Сталинской премии В. Ажаева (главы «Штаб Рогова», «Нани на своей земле»). В 1949 г. художественная литература обогатилась рядом книг, посвященных народам Крайнего Севера. Внимание читателей привлекают исторический роман Задорнова «Далекий край», повесть Н. Шундика «На земле Чукотской», избранные рассказы и повести Р. Фраермана и др. Предоставляя литературоведам судить о художественных достоинствах и недостатках этих книг, мы позволим себе подойти к их оценке с этнографической точки зрения.

Роман Н. Задорнова «Далекий край» повествует о событиях, происходивших на Амуре в середине XIX в., накануне вторичного присоединения этого края к России. Книга состоит из трех частей: «Амур» («Мангму»), «Маркешкино ружье» и «К Тихому океану». События в двух первых частях разворачиваются среди нанайцев (гольдов), показанных на промысле, в своих стойбищах, во время междоусобных столкновений. По ходу действия автор уводит читателя в низовья Амура к нивхам (гилякам), на остров Сахалин к айнам, на Шилку к русским казакам-забайкальцам. Третья часть романа посвящена первому путешествию Г. И. Невельского к устью Амура. В полном соответствии с историческими фактами обрисован в романе дикий произвол маньчжурских чиновников, грязные ростовщические махинации китайских купцов, каторжный режим, установленный японцами для айнов, грубые насилия «цивилизированных» американских и английских китобоев.

Перед читателем возникает яркая картина безрадостного прошлого народов Амура. Только переход в русское подданство мог избавить нанайцев, нивхов, айнов от разбоев и «услуг» китайских, маньчжурских и японских «купцов». С большим мастерством, на примере семьи гольда Ла, его сыновей Чумбуки и Удоги, автор показал мужественную борьбу коренного населения края с иноземными хищниками, стремление народов Приамурья и Приморья к сближению с русским народом, их тягу к передовой русской культуре.

Присоединение Амурского края к России в XVII в. имело большое прогрессивное значение, и когда в 1689 г. по Нерчинскому договору Амур отошел к Китаю, обменные связи между русскими крестьянами и казаками, с одной стороны, и малыми народами Амура, с другой, не прекратились. Автору удалось правдиво показать эти связи. Следует отметить, что Н. Задорнов не упал в идеализацию царских чиновников и купцов, видевших в Амурском крае лишь поле для обогащения. Носителями передовой русской культуры в романе являются простые русские промышленники, казаки, крестьяне. Именно от них заимствовали народы Амура русскую технику пушной охоты, у них научились они пользоваться огнестрельным оружием и приобретали необходимые товары. Автор нарисовал яркие, запоминающиеся образы русских: казака Алексея Бердышева, оружейника Маркешки Хабарова — благородных, честных и смелых людей, опытных промышленников, противопоставив им образы купцов Андрея Коняева, Новгородцова, атамана Скобелицына.

Сделав попытку воссоздать картину жизни народов Амура перед возвращением этого края России, автор естественно уделил большое место в своей книге описанию одежды, жилища, средств передвижения коренных жителей Амура, их охотничьих, свадебных обычаев, верований, родовых институтов. Знакомство с жизнью народов Дальнего Востока облегчило Н. Задорнову использование этнографического материала.

Однако с точки зрения этнографа отдельные положения романа «Далекий край» вызывают возражения. Фигура шамана Бичинги излишне модернизирована. Шаман

рисует Задорновым как жрец, обособившийся от своих соплеменников, закоренелый обманщик и эксплуататор. Но факты, зарегистрированные этнографами, свидетельствуют о том, что в конце XIX в. шаманы у нанайцев и нивхов не переросли в особое жреческое сословие.

Большое место в книге занимает роман между Чумбукой и его двоюродной или троюродной сестрой Одакой. Вопреки строго соблюдавшемуся нанайцами обычаю экзогамии, Чумбука вступает в брак со своей сестрой по отцовской линии. Для середины XIX в. это представляется маловероятным. Трудно поверить, чтобы человек, воспитанный в среде нанайцев, незнакомый с обычаями других народов, мог так свободно, как это описывается в романе, нарушить основной нравственный закон своего племени. Женитьба не только на двоюродной сестре, но на любой женщине из своего рода рассматривалась у народов Амура как тягчайшее преступление. Но по роману Задорнова Чумбука спокойно обращается со сватовством к своему дяде, отцу Одаки, и просит отдать ее ему в жены. Едва ли старик мог произнести по этому поводу следующие слова, вложенные в его уста автором: «Иди в хунхузы, тогда я тебе отдам Одаку. Я бы и без этого отдал, да закона боюсь». А если хунхуз будешь — то ничего, можешь закона не признавать» (стр. 167). И далее: «Хунхузу и закон можно нарушить — на сестре жениться» (там же). Сватовство Чумбука не вызвало осуждения, как ни странно, и у окружающих стариков. «Конечно, надо отдать ему девку! — соглашались голодные старики, усаживаясь вокруг стола и принимаясь за кашу» (стр. 166). Лишь шаман Бичинга и китайский купец Гао Цзо воспользовались проступком Чумбуки, чтобы натравить на него сородичей. Представляется, что автор и здесь несколько модернизировал картину быта народов Амура. Вызывает сомнение трактовка героев романа Чумбуки и Удоги как законченных атеистов. Чумбука не только не верит в шаманских духов и шаманские чудеса, но скептически относится к охотничьим обычаям своего народа. Резко критикует нанайские обычаи и его брат Удога (стр. 215). Удивляют отдельные подробности семейной жизни нанайцев, описанные в романе. Брат Одаки ругает своего отца и угрожает поколотить его (стр. 167). В новом издании романа эти подробности еще более усилены¹. Трудно допустить, чтобы молодежь соседних селений, как это описывает Задорнов, была незнакома между собой и люди одного рода, встречавшиеся на праздниках и церемониях, могли ничего не слышать друг о друге (например, Бичинга об Одаке — стр. 158).

Несмотря на отдельные упущения, в целом Н. Задорнов дал в своем романе исторически правдивую картину жизни народов Приамурья в период, предшествовавший возвращению Амура России. Касаясь третьей части романа — «К Тихому океану», отметил бережное использование автором посмертных записок адмирала Невельского — «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849—1899 гг.». Используя факты, приведенные в записках Г. И. Невельского, автор сумел не только красочно рассказать о подвиге отважного адмирала, осветить борьбу вокруг амурского вопроса, но и показать исторически сложившуюся дружбу народов Приамурья и Приморья с русскими.

Издательство снабдило книгу Н. Задорнова кратким послесловием, посвященным истории присоединения Амурского края к России. К книге приложены три карты: «Освоение русскими Приморского края в XVII в.», «Часть карты лимана р. Амура по описанию Невельского» и «Карта современного Нижнего Приамурья и Сахалина».

«Далекый край» — первая книга задуманного Н. Задорновым цикла исторических романов, посвященных Дальнему Востоку. Как сообщила редакция, автор работает над второй книгой, предполагая в ней осветить дальнейший ход экспедиции Г. И. Невельского. Читатели с интересом ожидают эту часть романа, так как она должна заполнить разрыв между романом «Далекый край» и последующим историческим романом этого цикла «Амур-батьюшка».

Первая книга романа «Амур-батьюшка», написанная Н. Задорновым еще в 1941 г., явилась в печати в 1944 г. Интерес читателей к этому роману побудит ряд областных издательств переиздать его. В 1949 г. этот роман, заново переработанный автором, был выпущен издательством «Советский писатель».

Роман «Амур-батьюшка» представляет собой результат многолетней работы Н. Задорнова над темой освоения русскими людьми Дальнего Востока. Действие романа происходит на Амуре во второй половине прошлого столетия после окончательного присоединения Приамурья и Приморья к России. Пытаясь так же, как и в предыдущих книгах, раскрыть сущность исторических событий, автор нарисовал широкую картину жизни крестьян-переселенцев, полутно осветив и быт их соседей — нанайцев. Ему удалось показать быстрое сближение русских переселенцев с коренным населением, положительное воздействие русской культуры на нанайский быт. Рисуя быстрые изменения в жизни края, связанные с освоением его русскими, — основание сел, расчистку земель под пашни, проведение телеграфных линий, установление пароходного сообщения, Н. Задорнов показал классовое расслоение как в среде русских переселенцев, так и в среде нанайцев, отвратительные приемы скола-

¹ Так, на стр. 165 нового издания (Рига, 1950) упоминается о частых драках Одаки со своими братьями, хотя женщины у нанайцев не были так самостоятельны. Чумбука в припадке раздражения ударяет по голове своего дядю (стр. 192).

14 Советская этнография, № 1.

чивания больших купеческих капиталов. Следует отметить, что Задорнову не свойственно стремление к украшению исторической действительности. Правдиво и ярко изображает он хозяйничание чиновников и духовенства, взаимопонимание и связь между китайскими и русскими купцами. Хорошо показано в романе высокомерное, пренебрежительное отношение представителей господствующих классов к коренному населению и дружеское, сочувственное отношение простых русских крестьян к своим соседям-нанайцам. Русские переселенцы внимательно присматриваются к охотничьему опыту нанайцев, приобретают у них лыжи, лодки, обувь, помогают им заняться земледелием, передают им свой опыт. Совместно борются нанайцы и русские крестьяне-переселенцы с ростовщическими махинациями китайских купцов.

Подробно описаны Н. Задорновым отдельные стороны материальной культуры нанайцев, испытавшие влияние русской культуры. В дом Удоги, знакомого нам по предыдущему роману, проникает русская печь, в окна появляются стекла, среди нанайцев распространяются отдельные предметы русской одежды, кованные сундуки и т. д. Нанайские женщины усваивают русские приемы приготовления пищи.

Обращает на себя внимание образ юноши-нанайца Айдамбо, влюбленного в нанайскую девушку Дельдику, воспитанную среди русских. Чтобы понравиться ей, Айдамбо пытается сделаться русским. Сначала он неудачно копирует русский костюм, затем поступает в ученики к попу, обучается грамоте, учится возделывать землю, добивается чистоты в фанзе своих родителей. Ярko обрисована в романе миссионерская деятельность. К сожалению, образ жизни нанайцев, их духовный мир в этом романе очерчены автором сравнительно бедно.

Книги Н. Задорнова читаются легко, большой историко-этнографический материал подан в них ярко и доходчиво. Роман «Амур-батюшка», так же как и весь цикл романов Н. Задорнова о Дальнем Востоке, — ценный вклад в советскую литературу.

* * *

Среди повестей и рассказов Р. И. Фраермана, включенных в сборник его избранных произведений, внимание читателя, интересующегося Севером, привлекают две большие повести «Васька-гиляк» и «Никичен», посвященные гражданской войне на Дальнем Востоке и социалистическому переустройству жизни коренного населения этого края. Р. И. Фраерман участвовал в гражданской войне на Дальнем Востоке в рядах красных партизан, долго работал в этом крае, полюбил его суровую, величественную природу, близко познакомился с жизнью и бытом населения. Свои первые произведения Р. И. Фраерман посвятил Дальнему Востоку.

Повесть «Васька-гиляк» была впервые напечатана в 1924 г. и не раз переиздавалась. С большим мастерством показал в ней автор, какой горячий отклик вызвали освободительные идеи Великой Октябрьской социалистической революции в сердцах народов Дальнего Востока. Герой повести — забитый, измученный нищетою гиляк Василий, в поисках Семки-купца, похитившего единственного вожака его собачьей упряжки, сталкивается с партизанами, примыкает к лыжному отряду Интернационального амурского полка и стойко сражается с белогвардейцами и японскими оккупантами. В боях зреет и оформляется его классовое сознание. Василий принимает участие в съезде Советов и, вернувшись в свою деревню, становится организатором гилякской рыболовной артели, вступает в партию. Звериной ненавистью встречают артель местные богатые, но их попытки развалить артель не удаются. Срывается и тщательно подстроенное врагами убийство Василия на медвежьей охоте. Повесть читается с неослабевающим интересом. Перед читателем проходят картины гиляцкого промысла, быта, обычаев, эпизоды классовой борьбы.

Описанием последних этапов гражданской войны на побережье Охотского моря и в якутской тайге начинается и другая повесть Р. И. Фраермана — «Никичен». В этой повести, написанной в 1932 г., автор поставил перед собой задачу — изобразить становление советской власти среди ламутов (эвенов), показать глубокие сдвиги в их быту и сознании, произошедшие благодаря великой преобразующей силе ленинско-сталинской национальной политики.

Вместе с партизанским отрядом во главе с комиссаром Небываевым на побережье Охотского моря среди ламутов распространяются вести о советской власти и новых законах. По-разному воспринимают новую власть ламуты. Молодой охотник Олешек становится проводником партизанского отряда, участвует в боях, обучается грамоте, вступает в партию. Старик-бедняк Хачимас, чутьем понимающий правоту новой власти, становится председателем наследного Совета, но скоро попадает под влияние кулаков и бывших купцов. Героиня повести, ламутская девушка Никичен, мечтающая о своем личном счастье, о приданом — ездовом олене, об украшениях, враждебно относится к партизанам. Американские торговцы и местные скупщики пушнины Грибакины ей кажутся в этот период более полезными людьми, чем партизаны, не имеющие ничего для обмена и торговли. Уход ее жениха Олешки с партизанами представляется ей непоправимым несчастьем. Непонятна для Никичен и самоотверженная борьба Олешки, вернувшегося после гражданской войны в свое стойбище, против кулаков и спекулянтов, засевших в Совете. Разоблачение врагов помогает Никичен понять окружающее. Следуя за Олешком, ставшим ее мужем, Никичен вступает в артель лесорубов. Вместе с ним Никичен по-

селяется в срубной избе. Долго не может она привыкнуть к русской печи, к бревенчатым стенам. Никичен садится на пол, выбегает на мороз, чтобы освежиться. Пол она украшает кумаланами — ковриками из головных оленьих шкурок. Сыну она делает тунгусскую люльку и наполняет ее опилками. Но недоверие к новому постепенно сменяется в ней стремлением к культуре. Никичен вступает в комсомол, она гордится своим мужем коммунистом, руководителем артели лесорубов. Жизнь меняется на глазах Никичен. Возник лесопильный завод, и директором на нем стал бывший комиссар партизанского отряда Небываев. Напряженная работа идет на пловучем консервном заводе. Закономерен и крах попытки самонадеянного американского предпринимателя Герберта Гучкинсона организовать сверхприбыльную торговлю с «дикарями» на побережье Охотского моря.

Писатель сумел подметить и отразить основное — стремительный рост культуры и хозяйства на заброшенных в прошлом окраинах Советского Союза.

Повести «Васька-гиляк» и «Никичен» выдержали испытание времени, но кое-что в них все же устарело и вызывает досаду. Трудно себе представить, чтобы председателя артели, заслуженного партизана окружающие называли Васькой. А именно так на протяжении всей повести именуется ее герой. Не вяжутся с содержанием повестей «Васька-гиляк» и «Никичен» упоминания об оскорбительных выдумках, гулявших когда-то по Северу: о кривоногости гиляков (стр. 210), о том, что «желудок с мхом любимое кушанье тунгусов» (стр. 24), но содержание оленьего желудка эвенки не употребляют в пищу, едят лишь сетчатый желудок. Рассказав о том, что Никичен, наконец, убедилась в преимуществе оседлой жизни, поверила в возможность для всех эвенков научиться грамоте, поверила в осуществимость таких «чудес», как передвижение по воздуху, автор приписал ей мысль, что все люди вшивые. «Одному только не хотела она поверить — что есть на свете люди, у которых нет вшей. — Хоть три вши, да есть — говорила она. — Иначе они бы умерли» (стр. 213).

Как известно, санитарно-просветительные мероприятия стали проводиться на Крайнем Севере с первых дней установления советской власти, и трудно допустить, чтобы они не коснулись поргово-промышленного района, описанного автором.

Нельзя не отметить путающее неискушенного в этнографии читателя непоследовательное употребление этнических терминов на протяжении повести «Никичен». Одна и та же этническая группа — эвены (ламуты) именуются то овенами (?!) (стр. 204), то тунгусами (там же).

Странно видеть в сборнике избранных произведений Р. И. Фраермана и рассказ «Соболя». Образ незадачливого партизана Селивчонка не типичен для партизана. Посланный командиром отряда с проводником-эвенком на приiski с конфискованными ценностями, Селивчонко «страшает» своего спутника оружием и покрикивает: «Толкай шибче, чортова кукла» (стр. 307). В конце рассказа партизан, затеряв в своей одежде доверенные ему соболя, ранит проводника, подозревая его в краже. Едва ли такие отношения между партизанами и населением были характерны в действительности.

Сборник повестей и рассказов Р. И. Фраермана несомненно выиграл бы, если бы автор и редакция строже подошли к тексту и отбору произведений.

* * *

На крайнем северо-востоке Сибири в якутской тайге разворачивается действие романа Антонины Коптяевой «Иван Иванович». А. Коптяева хорошо знает Север и в своем романе, хотя и бегло (центральное место в романе занимает семейная драма доктора Аржанова), но правдиво отразила новую жизнь якутов и эвенков. В глухой тайге растут города, возникают новые приiski, фабрики, многочисленные поселки, асфальтированные дороги. Огромные изменения происходят и в самых отдаленных якутских наслегх. «Теперь мы строимся в колхозе большим поселком. Дома настоящие. Говорят, скоро будет и электричество», — рассказывает молодой якут, приехавший на прииск в Каменушку. «Город построй большой. Дорогу сделают. Привезут машины. Нет, машины сами придут и привезут другие машины, которые не умеют ходить, а умеют работать на одном месте», — рассказывает якут Егор своим домашним, вернувшись после заседания районного Совета, о предстоящем строительстве в своем поселке. Как уже отмечала критика, наиболее удачны в романе главы, посвященные поездке доктора Аржанова в глухой якутский район. Хорошо описаны А. Коптяевой дорожные впечатления Аржанова, встречи, трудности пути. Запоминается встреча Аржанова с девочкой-якуткой, будущей художницей, с охотниками, борющимися за выполнение плана пушнозаготовок и в особенности с председателем райисполкома, членом правительства, в прошлом неграмотной якуткой Марфой Антоновой. С законной гордостью показывает она Ивану Ивановичу районный центр Учахан. «Эта наша учаханская школа-десятилетка, — говорит она. — Здесь мужской интернат... Там электрическая станция, юрта районного Совета, магазины, база Пушторга, радио, контора разведчиков. У нас производство рудное будет». Быстро меняется лицо якутской деревни. «Сегодня в Учахане, — думает Иван Иванович, — готовится открытие скромного лечебного пункта, завтра здесь вместе с заводом возникнет богато оборудованная больница».

Как торжество советской культуры воспринимается приезд знаменитого хирурга в труднодоступный якутский район, производимые им там сложные мозговые операции.

Талантливо обрисованы А. Коптяевой образы якутов — учеников доктора Аржанова — Варвары Громовой и Никиты Бурцева. Особенно привлекателен образ Варвары Громовой, девушки-якутки, ровесницы Октября, будущего фельдшера. Она страстно предана своему делу, целеустремленна, полна горячей любви к партии, к новой жизни, полна веры в будущее своего народа. «То, что мы теперь имеем, нельзя отнять», — говорит она. — Ведь нельзя же отнять жизнь у всего народа!» Социалистическая сознательность звучит в словах Варвары, когда она отвечает на вопрос одной из своих знакомых, довольна ли она своей судьбой. «Я счастлива не тем, что я вырвалась, а тем, что весь мой народ вырвался из грязи и нищеты! — с горячностью заметила Варвара. — Ведь раньше только крошечной кучке интеллигентов, имевшей общение с русскими, была доступна культура».

Рассказывая биографию Варвары, А. Коптяева показала, как изменился домашний быт якутов: исчезли сырые дымные юрты, соединяющиеся с хотоном (хлебом), исключена из рациона сосновая заболонь, отступили в прошлое голод и нищета. Коренным образом изменилось положение женщины. «У якутов ведь полагали, — рассказывает Варвара, — что женщину надо учить. Как? Бить почаще. В детстве родители были, потом мужья — злость срывали, как на собаках, за свою бедность, за холод, за падеж скота, за обиду от начальства». Могла ли мечтать якутка о том, чтобы получить образование, стать учительницей, фельдшером, руководителем наслега, района. Большой путь прошли за годы советской власти женщины-якутки. «Просто сам себе не верю, — говорит одно из действующих лиц романа, — когда вижу якутскую женщину на тракторе» (стр. 10). А. Коптяевой удалось отразить в художественной форме характерные черты нового быта якутов.

— К сожалению, некоторые сцены романа, посвященные якутам, архаичны и хронологически не соответствуют периоду, описываемому А. Коптяевой.

Якуты, желающие поступить на фельдшерские курсы, являются в поселок к доктору Аржанову с «подарками». «Они, — пишет А. Коптяева, — никак не думали, что дело обойдется без подарков» (стр. 101). И это в 1939 г.? Напрасно ввела этот эпизод А. Коптяева в свой роман. Учащиеся якуты, выпускники седьмых классов советской школы, не так наивны и невежественны.

Вот доктор Аржанов выезжает в далекий район. Множество больных якутов собрались в райцентр, прослышав о его искусстве. «Люди верили в чудо исцеления, жизнь открывала столько чудес повседневно. Но насчет даровщины они сомневались — гнали с собой лишние лошадей и оленей, прихватывали лучшие меха: кто лису, кто пару отменных соболей» (стр. 29). Брат одного из больных обращается к Аржанову с просьбой «не брать дорого за лечение. Такие факты могли иметь место в Якутии в 1920—30 гг., но не в 1941 г. Накануне Великой Отечественной войны в Якутской АССР не осталось таких мест, где бы не было известно, что Сталинская Конституция обеспечивает всем гражданам Советского Союза бесплатную медицинскую помощь».

Трудно вообразить, чтобы даже в самых глухих районах Якутии шаман пользовался таким авторитетом среди населения, чтобы решился открыто выступить против медицины. Эпизод с наглым выступлением шамана, приведенный А. Коптяевой, также не может быть датирован 1941 г. Нельзя не упомянуть о мелких досадных неточностях. Хотя А. Коптяевой хорошо описаны характерные особенности зимней одежды, но «островерхие шапки», упоминаемые автором, якуты не носят, они стали музейной редкостью еще в конце XIX в. Каюры действительно садятся на ходу на нарты, чтобы не сбить оленям холки, но не «падают животами», как пишет об этом А. Коптяева (стр. 120).

* * *

Неосменный интерес как для широких кругов читателей, так и для специалистов-этнографов представляет книга Н. Шундика «На земле Чукотской» (Записки учителя). Автор книги, молодой учитель, посланный после окончания Хабаровского педагогического училища в один из самых отдаленных уголков Чукотки, рассказывает о своей работе, встречах, впечатлениях и наблюдениях. Записки Н. Шундика, повествующие о новой Чукотке, преобразенной за годы советской власти, могут служить продолжением известных очерков Т. Семушкина «На Чукотке», посвященных первым культурным мероприятиям советской власти в этом отдаленном округе. Огромные сдвиги произошли за это время на Крайнем Севере. Приехав на Чукотку, автор «Записок» увидел в районном центре двухэтажные дома, электростанцию, семилетнюю школу, больницу, два клуба. «Признаться, — пишет автор, — когда я впервые попал в Певек (районный центр. — И. Г.), у меня появилось что-то похожее на разочарование: вот, мол, тебе и Чукотка! Чем же этот поселок, собственно говоря, отличается от поселков центральной части нашей страны? Но тут же я с глубоким удовлетворением подумал о том, что Чукотка, оказывается, уже совсем не тот отсталый, далекий край, каким представлялся он мне по книгам» (стр. 3).

Не только в районном центре произошло много нового, но и «в самом глухом месте района» — в приморском поселке береговых чукчей Пильгино, куда был направ-

лен молодой учитель, возник сельский Совет, товарищество по общественной добыче морских зверей, хотя старое и не исчезло бесследно. С первых же дней автору пришлось столкнуться с работой, на первый взгляд не входящей в обязанности школьного учителя. Вместе с председателем сельисполкома Гемальском, председателем товарищества Айметом и комсомольским активом учителю удалось предотвратить насильственную выдачу замуж невесты Аймета — Кэтыгу за старого шамана Понтотко, уже имевшего двух жен. Учитель явился и инициатором постройки для Аймета и Кэтыгу новой большой яранги «с простертым поломом, с дверью и окнами на русский лад. Внутри — железная печь, кровать, стол, лампа, зеркало, умывальник». Такие же яранги построили с помощью учителя и другие жители поселка. Постепенно у автора завязывалась крепкая дружба не только с молодежью поселка, но и со стариками.

Готовясь к преподаванию в школе, автору пришлось серьезно заняться изучением чукотского языка. Ярко описал Н. Шундик свой первый урок, затруднения, получавшиеся от непривычки правильно произносить чукотские слова, борьбу за культурный облик учеников, свои встречи с родителями, опасавшимися за благополучие детей в школе. Интересные страницы посвящены работе фельдшерского пункта, окончательно подорвавшего среди чукчей авторитет шамана Понтотко. Став посмешищем в чукотских стойбищах, убедившись в том, что никому его искусство не нужно, что чукчи уже не верят в духов, Понтотко застрелился.

За годы советской власти необычайно расширился кругозор чукотского народа, пробудилась тяга к образованию. За учебу принялись не только дети, но и взрослые. Хорошо изображен автором его ученик из школы ликбеза, молодой охотник Камчель — «и плохой парень, и очень хороший», как его отрекомендовал Аймет. Пытливый и любознательный Камчель, оставшись один, принимается за изучение мотора на зверобойной станции и ломает его, разбирает градусник, чтобы понять его тайну, то берется за изготовление музыкальных инструментов, то, принимаясь за ремонт нарт, уродует их пытаясь придать им вид машины. Камчель упорно ищет свое место в жизни, мечтает стать летчиком, бежит на фронт, наконец поступает на курсы кинематографов.

Хорошо описаны Н. Шундиком суровые годы Великой Отечественной войны на Чукотке. Весть о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз вызвала и в глубоком тылу, на далекой Чукотке, патриотический подъем. Откликнувшись на призыв товарища Сталина к народу, члены товарищества перевыполнили план по добыче пушнины и морских зверей. До войны этот план систематически недовыполнялся. Трудовой подъем захватил даже отпетого лодыря Евыра. Попрошайка и лентяй под воздействием коллектива превращается в передового охотника. На характерных примерах автор показал хозяйственные успехи товарищества, подготовившие переход его на устав промысловой артели. С присоединением оленеводов артель превратилась в мощное хозяйство. Работа автора в качестве учителя кочевой школы дала ему возможность познакомиться с жизнью и бытом чукчей-оленьеводов, побывать в самых отдаленных стойбищах. И здесь, желая приблизить час разгрома врагов, чукчи славали в фонд обороны оленей, теплую одежду, пушнину.

Длительная совместная жизнь с чукчами позволила автору проникнуть в духовный мир своих героев, показать их рост, новое социалистическое отношение к коллективной собственности. В книге приведены яркие примеры трудового героизма чукчей-колхозников. Рискуя жизнью, перебирается молодой пастух Иынанто через ушелье, чтобы остановить стадо оленей, бросившееся к зараженному копыткой пастбищу. Камчель не задумываясь прыгает на плавающую льдину, чтобы спасти байдару, отгнанную ветром. В описании современного быта чукчей автор проявил свое умение наблюдать жизнь, ему удалось отразить своеобразное переплетение старых и новых черт в быту как оленных, так и береговых чукчей, быстрый рост культуры в чукотских стойбищах.

Работая над вторым и третьим вариантом своих записок, Н. Шундик отшлифовал стиль, ввел ряд эпизодов, показавших направляющую и организующую роль партии. Запоминается образ секретаря райкома Пугачева, одного из организаторов советской власти в этом районе.

Затронув в «Записках учителя» разнообразные стороны современной жизни Чукотки, автор уделил очень скромное место, как ни странно, школе, жизни детей в интернате, преподаванию, ограничившись описанием первого урока и ряда инцидентов в интернате. Приходится только пожалеть, что автор не показал рост своих маленьких учеников, их дальнейшую судьбу. В целом книга «На земле чукотской» — произведение большой познавательной ценности.

* * *

В заключение мы позволим себе коснуться изданных в Риге «Северных рассказов» И. Кратта. В отличие от Задорнова, Фраермана, Коптяевой, Шундика, автору не удалось правдиво обрисовать жизнь народов Крайнего Севера. Рассказы И. Кратта, изобилующие надуманными, необыкновенными ситуациями и нагромождением «ужасов», искажают северную действительность.

Девушке-ветврачу, приехавшей в стадо оленеводов по рассказу «В стаде», приходится вступить в схватку с волком. напавшим около жилья, среди бела дня на ста-

рика-пастуха. Затем ветврач вынужден в пургу выехать в соседнее стадо. В пути отвязываются и теряются запасные олени, гибнет часть упряжных. На последней остановке проводник проваливается в пропасть, тонет, но мальчик-проводжатый и ветврач вытаскивают его. Сгустив краски, автор забыл, что каюры обычно дают оленям небольшой отдых после каждого часа пути, так что пропаша запасных оленей не могла остаться долго незамеченной. Отыскать же недалеко ушедших оленей не составляет особого труда. Заметим также, что для опытного проводника, не побоявшегося сбиться с пути, во время пурги «купание» в пропасти по меньшей мере не характерно. К сожалению, из неправдоподобных происшествий составлен не только рассказ «В стаде».

Особенно увлекся приключениями И. Кратт в рассказе «Пастух». Ветеринарного фельдшера, героя рассказа, во время розысков оленьего стада покидают на произвол судьбы говхозные пастухи. Фельдшер попадает в лапы кулака Улахана. Тот убивает упряжных оленей и похищает у фельдшера спички. Гаснет костер. Пытаясь согреться, фельдшер ходит вокруг стоянки и попадает в наледь, замерзает, теряет сознание, но подбирается пастухом, изловившим злоумышленника Улахана.

Своим героям автор приписывает нелепые поступки. Ветфельдшер, много скитавшийся, по словам автора, по северу, разжигает костер сухим мхом и письмами дочери (!?) (стр. 92) — этот бывалый человек не умеет раздуть пламя из тлеющих углей. Начальник партии золотоискателей отправляется в экспедицию, захватив «только рюкзак с парой запасных обоем для маузера да книжку рассказов Джека Лондона» (стр. 61). Повидимому, в угоду романтике Джека Лондона, голодающая партия золотоискателей съедает собак (стр. 77), хотя за несколько километров находится заимка с солидным запасом продуктов (стр. 74), о чем разведчики не могли не знать. Старик-проводник ложится по прихоти автора на дорогу, чтобы остановить машину. «Иначе шоферы не увидели бы их в метель» (там же). Поражает незнание автора северной действительности. «Крайний бык упал, — пишет И. Кратт, — Настя отрезала лямку» (стр. 32). Но лямку не отрезают, а снимают (расстегивают), когда хотят выпрыгнуть оленя. «Алешка озабоченно дергал ремень, укрепленный за рога вожака» (стр. 29). Автору следовало бы знать, что повод отходит от недоуздка, надеваемого на голову оленя, а не на рога.

Обычный чум автор почему-то именует шатром. «Шатер был еще на месте. Невысокий, дряхлый, из обрывков шкур» (стр. 36). Наивно описывает И. Кратт окарауливание оленьего стада, думая, что стадо волков можно испугать, кидая в них камни. «Звериная стая подходила близко и, лежа на буграх, выла. Важенки сбивались теснее, переставали ципать мох. Прячась за Чока (оленья. — И. Г.), Танька кидала в хищников камнями, торопливо раскладывала костер» (стр. 39).

Но обиднее всего, что в «Северных рассказах» народы Крайнего Севера — саамы, чукчи — рисуются не как сознательные строители новой жизни, а как пассивные, отсталые и наивные люди. Старуха, обучавшаяся читать, выучила двенадцать букв, но за лето шесть забыла (стр. 9). Саамы-колхозники, перегоняющие оленей упряжки на борьбу с белофиннами и готовые принять участие в разгроме врага, ведут между собой мистические споры. «Луна другой стороной светит, — говорил Пыркен, хмурым высоким пастух. — Душам умерших настоящей стороной светит». «Э, — возразил Дмитро-Вань, — ...душам умерших звезды светят» (стр. 107). Смерть красноармейца Сомова, убитого белофиннами, осмысливается героем рассказа мальчиком Алешей как месть духов. «Видно духи наказали жадность. Не сердись... Буду помогать лучше» (стр. 112). Автор не заметил роста народов Севера. Не мысли о духах, а любовь к Родине, к советской власти владели саамами — участниками борьбы с белофиннами в 1939 году.

В карикатурном виде представил И. Кратт продвижение на Север земледелия. Члены артели, начавшей опытный посев ячменя, поняли только, что «председатель посадил какие-то желтые острые камешки, похожие один на другой, очень маленькие и легкие» (стр. 7). И когда урожай был снят, старый пастух стал ковырять землю, чтобы посмотреть: «А куда же девались камешки, посаженные весной» (там же). «Видимо пропали, — сказал наконец пастух с сожалением и пощипал три седых волоска на сухоньком остром подбородке. — А может провалились. Очень красивые были, целая шапка» (стр. 8). Напрасно автор пытается уверить читателя, что новые хозяйственные мероприятия проводятся на севере без надлежащей разъяснительной работы.

«Северные рассказы» И. Кратта не заслуживали бы внимания, если бы в нашей литературе порой не появлялись произведения, рассказывающие о Севере невероятные вещи. Задача советских писателей, работающих над темами, связанными с Севером, не в смаковании трудностей, а в правдивом художественном изображении современной жизни, нового, социалистического быта народов Севера.

И. Гурвич